

После чего проснулся уже под грохот артиллерийского огня.

Раннее утро, солнце только всходит, но день уже омрачён битвой.

Он только встал, но уже полон энергии и бодр, как никогда раньше, ведь дикая, гремучая смесь из запаха пороха, бурлящей в жилах крови и ужасного кровавого зрелища заставляет его чувствовать себя живым.

Вот он, момент, решающий судьбы империй.

Иван, понявший, что генеральное сражение уже началось без него, тут же вскочил с кровати, после чего, даже не умывшись, устремился в штаб, где командиры уже давно начали, казалось бы, бесконечный спор, который прекратился лишь с приходом главнокомандующего.

Иван тут же, едва войдя в штаб, потребовал краткого доклада о положении дел.

Командир третьего батальона Ефремов, предварительно отдав честь, начал в спешке рассказывать о случившемся перед приходом вышестоящего офицера.

Как оказалось, китайцы полчаса назад начали массивный артиллерийский огонь, которым, по видимому, решили прикрыть манёвр двух армий, заключающийся в построении двух армий (в сумме они составили 20 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников, если вычесть потерянные вчера 4,5 тысячи пехотинцев), однако, канонада устаревших орудий, осуществляемая не самыми лучшими артиллеристами, сильно уступала в своей эффективности орудийному огню специалистов Ивана, поэтому, несмотря на двукратный перевес в числе пушек в пользу китайцев, тактика принца Юньти, заключающаяся в массивном наступлении на позиции Ивана, зажатого в тисках огнём на подавление, провалилась уже в самом начале.

Помимо того, трио, загнанное в окопы, несло совсем незначительный урон от артиллерии противника, не способной бить навесом.

В то же время, войска китайских принцев, выстроенные в плотную линию, подобно кеглям в боулинге, были идеальной мишенью для ответного огня.

Отсюда и столь значительный разрыв в потерях – тридцать солдат Ивана против двух тысяч китайцев за первый час боя, ещё до подхода солдат противника на дистанцию выстрела.

Впрочем, противник всё ещё наступал, не показывая признаков паники или неминуемого бегства, хотя давалось ему это с трудом.

Спустя полчаса (за которые принцы потеряли ещё три тысячи из-за ещё большего сокращения промежутка между линиями, вызванного неумелым командованием принца Инчжи) китайские солдаты уже подошли к рубежу, за которым следовала дистанция эффективного

выстрела солдат Ивана (о чём, правда, сами китайцы не знали, ведь до этого им не приходилось встречаться с мощью ивановских винтовок).

Стоило им только приблизиться ещё на пятьдесят метров, как их тут же накрыл массивный и, что самое важное, продолжительный град пуль.

Потери в первых рядах наступающих были просто ужасающими – три тысячи человек отправились на встречу к своим предкам буквально за несколько десятков секунд.

Кучи трупов мешали своим бывшим боевым товарищам продвигаться дальше с той же скоростью, что и раньше, но даже так, китайская орда продолжило движение к позициям войск Ивана, лишь чтобы, на этот раз, упереться в непреодолимое для них минное поле.

Теперь, с вступлением минного поля в дело, уже было совершенно очевидно, что дальнейшее наступление с подобными потерями абсолютно бессмысленно.

И вот, только замахнулся своей рукой принц Юньти, чтобы отдать приказ об отступлении, как ему тут же оторвало нижнюю челюсть и правую руку (впрочем, участь его старшего брата не лучше – тот и вовсе лишился головы, причём буквально), державшую его излюбленный гумбай.

Как можно было уже догадаться, произошло сие вовсе не случайно – так задумывалось по плану, который предполагал, что китайское войско, дезорганизованное внезапной смертью обоих полководцев, не сможет отступить, сохраняя при этом строй.

Впрочем, чтобы точно добить моральное состояние солдат противника, Иван решил также обрушить на противника целый град миномётных снарядов с фосфором, коли уж сегодня ветер дул на север, в противоположную от него сторону.

Возможно, это было совершенно лишним, но эффект был абсолютно потрясающим – вид кричащих от боли солдат, снедаемых многочисленными химическими ожогами, как и предполагалось, полностью уничтожил моральный дух и волю к сопротивлению у вражеских солдат.

Поддавшись панике, китайцы начали творить совершенно безумные вещи.

Одни побежали с криками о мести на минные поля (чем раздосадовали Ивана), где их стёрли с лица земли мины и шквал огня со стороны окопов, другие топтались на месте, не в силах понять, что происходит в этом аду, в то время как их поливала огнём артиллерия, быстро и искусно сокращая численность этой группы солдат.

Последняя же часть, самая немногочисленная, попыталась реорганизоваться и организованно отступить к стенам города.

Думаю, говорить о том, что у них ничего не получилось, не стоит.

Впрочем, всё же напомню вам, что снайперы не дремали – их задачей было методично уничтожать тех, кто пытался отступить к воротам.

И справлялись они со своим нелёгким, требующим высокой точности и терпения, трудом, как можно понять, отлично.

По крайней мере, их усилий было более чем достаточно для того, чтобы отправить к благочестивым предкам и этих солдат.

Спустя час всё уже было кончено.

От изначальных 29 тысяч солдат осталось лишь жалкая горсть, что всё же сумела чудом выжить посреди этого филиала Саддама и Гоморры.

Полный триумф – подумал Иван.

К его несчастью, так думал лишь он один.

Ни лицезревшие прежде превратности и ужасы войны ветераны, ни подающие надежду молодые офицеры, ни сами палачи в лице миномётчиков, не были готовы к подобному «зрелищу», если так можно назвать кровавую бойню, в ходе которой целые толпы людей были превращены в жуткое месиво.

Но то было лишь начало...

<http://tl.rulate.ru/book/35676/1297096>